

саксонский патриотизм на монархический лад, но с оглядкой на Фридриха II и не без комплиментов ему.

В 1761 году Готтшед ничего не помещает в журнале о Фридрихе II. Зато в октябре (стр. 725—734) он печатает оду на день рождения саксонского курфюрста, прочитанную автором (Chr. H. Hasse) в Готтшедовском обществе ораторского искусства 7 октября 1761 года. И опять появляется материал о России.

В февральском номере (стр. 94—103) помещена рецензия на «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» Вольтера (т. I, 1761). Рецензент бранит Вольтера, упрекает его в плохом знании материала, указывает на неизвестных ему его предшественников в создании истории Петра, считает, что Вольтер легкомыслен, несерьезен и т. д.

В мартовском номере (стр. 200—207) напечатан отчет о «Слове о Петре Великом» Ломоносова, известном рецензенту в французском переводе барона Чуди. Это, насколько мы знаем вообще, первая печатная рецензия на художественное произведение Ломоносова. Рецензия озаглавлена: «Panegyrique de Pierre le Grand, prononcé dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences le 26 avr. 1755 par — Mr. Lomonosow, conseiller professeur de cette Académie, trad. sur l'Original Russien, par Mr. le Baron de Tschoudy. Imprimé à St. Petersburg in 4°». Вот ее текст:

Так как мы внимательно относимся к изящным наукам у наших соседей и у отдаленных европейских народов, то мы не можем обойти молчанием опыты красноречия, изложенные на их языках. Русский язык еще 50 лет назад не был настолько богат и гибок, чтобы можно было на нем упражняться в красноречии. Однако благодаря чудесным делам великого императора Петра I и счастливому продолжению его начинаний при его вдове Екатерине и его достойной дочери Елизавете этот язык сделался способен не только к стихотворству, но и к красноречию. Вот и говори после этого, что климат создает дух, умы и языки народов или управляет ими.

Г-н советник Ломоносов полностью доказал в этой речи, что его дарование — и в холодном петербургском климате — нисколько не лишено ораторского огня. Мы можем быть благодарны искусству г-на барона фон Чуди, за то что мы получили возможность прочитать русский текст и во французском переводе, — так же как различные другие русские сочинения появились в немецком переводе. Мы дадим нашим читателям наряду с сообщением краткого содержания некоторые образцы этого произведения, — и предоставим им судить о нем.

des Inscriptions et Belles Lettres». Перевод очень близок к тексту Луизы Готтшед; Фонвизин отбросил лишь ссылки на источники. Напомню, что в эти годы Фонвизин переводил именно по преимуществу с немецкого, который он тогда знал лучше французского.